

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Теория. История литературы.
Творческие индивидуальности

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина»
ФГБОУ ВПО «Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина»
Восточноевропейский национальный университет имени Леси Украинки (Луцк, Украина)
Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН (Москва)
Администрация Тамбовской области
Глава города Тамбова
Администрация города Ельца
Администрация города Лебедяни
Международный научный центр изучения творческого наследия Е. И. Замятина (Тамбов)
Тамбовское отделение Союза писателей России

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

ТЕОРИЯ. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ТВОРЧЕСКИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ. К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Е. И. ЗАМЯТИНА

*По материалам Международного конгресса литературоведов
1–4 октября 2014 года*

**ВЫПУСК 2
Книга первая**

Тамбов – Елец 2014

III.

<i>Любимова М. Ю.</i> Евгений Замятин в годы Первой мировой войны (забытые факты, заново открытые документы).....	234
<i>Замятина Н. С.</i> Тамбовские корни в родословной Е. И. Замятина.....	251

IV.

<i>Шайтанов И. О.</i> Евгений Замятин в традиции русской прозы. Сказ, бытописание, беллетристика.....	258
<i>Давыдова Т. Т. М.</i> Горький и Е. Замятин: к проблеме литературных связей	275
<i>Кук О.</i> «Московские» романы Белого и «Роберт Майер» Замятина: Литературный ответ на термодинамику.....	284
<i>Орлицкий Ю. Б.</i> «Техника прозы» и «хронический анапестит»: Замятин против Андрея Белого	300
<i>Шишкина Л. И.</i> Чудо и крест: «Жизнь Василия Фивейского» Л. Андреева и «Знаме- ние» Е. Замятина.....	310
<i>Хворова Л. Е.</i> «Простота» неореализма: Е. Замятин и С. Сергеев-Ценский. Поэтика портрета и пейзажа	317
<i>Брюханова И. А.</i> Страницы истории литературы 1920-1930-х годов. Судьбы писа- телей - «политехников»	323

V.

<i>Сваровская А. С.</i> Эмоционально-нравственный комплекс «страх / стыд» в повестях Е. Замятина 1910-х годов	328
<i>Иванова Т. В.</i> Цветопись Е. И. Замятина (повести «Алатырь», «Север»). На пути к «синтетизму»	334
<i>Третьяков А. В.</i> Рассказ Е. И. Замятина «Херувимы» (1917): пародийная интер- претация библейского видения.....	347
<i>Воробьева С. Ю.</i> Динамическая структура повести Е. И. Замятина «Островитяне»...	356
<i>Бодров В. А., Сафронова Н. В.</i> «Сказки про Фиту» Е. И. Замятина в журнале «Вестник Русского Христианского Движения» (Париж – Нью-Йорк)	364
<i>Ганчев С. Г.</i> Языковые средства репрезентации концепта природа в «Рассказе о самом главном» Е. И. Замятина	369
<i>Дудина Т. П.</i> «История одного города» Е. Замятина: сатирический парадокс или философия «вечного возвращения»?	374
<i>Ерыкалова И. Е.</i> О финале трагедии Е. И. Замятина «Атилла».....	384
<i>Оляндер А. К.</i> Пространство, время, люди в романе Евгения Замятина «Бич Божий»: к вопросу о художественно-философской позиции писателя и коммуни- кативной сущности его творчества.....	402
<i>Желтова Н. Ю.</i> «Кинематографические затеи» Е. И. Замятина в освещении фран- цузской прессы.....	412
<i>Хатямова М. А., Аксёнова Н. В.</i> «Ричард Бринсли Шеридан» Е. И. Замятина: ирландский код и авторская саморефлексия	422

ЭМОЦИОНАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС «СТРАХ-СТЫД» В ПОВЕСТЯХ Е. ЗАМЯТИНА 1910-Х ГОДОВ

В статье исследуются отдельные аспекты авторской картины мира в повестях «Уездное», «На куличках», «Алатырь». Выделяется эмоционально-нравственный комплект «страх-стыд», позволяющий уточнить содержание внутреннего мира персонажей в контексте устойчивых оппозиций: «природа – культура», «христианство – язычество», «плоть – дух». Страх и стыд оказываются маркерами кризисного состояния национального сознания и катализаторами выбора между массовым и индивидуальным.

The article is focused on the exploration of certain aspects of the picture of the world in the stories “A Provincial Tale,” “A God-forsaken Hole,” and “Alatyr.” The emotional-moral complex “fear” – “shame” is chosen to explore the content of the inner world of the characters in the context of such stable oppositions as nature/culture, Christianity/paganism, flesh/spirit. Fear and shame turn out to be the markers of the crisis state of the national consciousness and catalyzers of choice between the mass and individual.

Ключевые слова: Замятин; страх; стыд; персонаж; индивидуальное; массовое.

Key words: Zamyatin; fear; shame, character; individual; mass.

Ранние повести Е. Замятина исследованы основательно и в разных аспектах¹. Однако поэтическая многослойность текста позволяет обнаруживать всё новые смысловые обертоны авторской картины мира.

Русская национальная провинция в повестях Е. Замятина 1910-х годов («Уездное», «На куличках», «Алатырь») представлена устойчивыми социальными типами: уездным недорослем, алатырскими барышнями, купцами, ремесленниками, судейскими чиновниками, монахами, офи-

---

1. См., например: *Шайтанов И. О.* Мастер // Вопросы литературы. 1988. № 12. С. 32-65; *Комлик Н. Н.* Творческое наследие Е. И. Замятина в контексте традиций русской народной культуры. Елец, 2000; *Хатямова М. А.* Творчество Е. И. Замятина в контексте повествовательных стратегий первой трети XX века: создание авторского мифа. Томск, 2006; *Гордович К. Д.* Повесть Е. Замятина «Уездное» в контексте произведений о русской провинции // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности: материалы Междунар. конгресса литературоведов: к 125-летию Е. И. Замятина. 5-8 октября 2009 г. / отв. ред. А. В. Полякова. Тамбов, 2009. С. 601-604.

керами. Персонажный состав объемлет русскую жизнь в различных ее проявлениях: природно-биологическом, социально-историческом, религиозно-нравственном, и других.

В повестях фиксируется национальное бытие (как историческая реальность и как «русский миф») в двух измерениях: изначального «лада» и внезапного «разлада». Нарушение внешне непротиворечивого существования по законам биологической «утробы» и в координатах устоявшихся социальных институтов происходит в момент, когда естественные в логике уездного миропонимания оппозиции: «плоть – дух», «природа – культура», «христианское – языческое» – обнаруживают уязвимость одной из своих частей. Подобная ситуация становится первичным раздражителем и требует индивидуальной реакции. В «Уездном» таковым раздражителем для Анфима Барыбы явилась ситуация экзамена, предваряемая наставлениями и угрозами отца. Отец пытался вывести сына (бесперечь пилит) в сферу умственных и духовных усилий. Реакция Барыбы на культурный вызов (экзамен) – физиологическая: «<...> от страха слегка затошнило»¹. Выпавший Барыбе билет предполагал знание о райском хронотопе, Адаме, первородном грехе. Мифологическая семантика образа Барыбы задается проекцией на первочеловека, которого создал бог из земного праха и «дыхания жизни»: актуализируется двоякость человеческой природы (плоть – от праха, душа – из дыхания божьего)². Герой, как потомок Адама, искажил в себе «дыхание божие» и низвел образ рая до картины дикой природы, населенной «допотопными месопотами». Изгнанный из дома, он обретает временный рай в пространстве заброшенного двора купцов Балкашиных. Страх грехопадения (не оправдал надежд отца) заслоняется плотским страхом голода и физической расправы. Страх не только начинает занимать главенствующее место в иерархии эмоций и чувств героя, он обнаруживает под собой более сложные рефлексии, в которых Барыба почти не отдает себе отчета.

Счастливо избежав голодной смерти и сделавшись объектом страсти Чеботарихи, Барыба скоро сам становится фигурой устрашения и насилия для окружающих. Ему хочется утвердиться в правоте грубой силы, но цепь его деструктивных жестов, нарушений вечных заповедей питается не только зоологической натурой, но и неясным, загнанным в подсознание внутренним беспокойством и сомнением во всеисилии своего «съедобного», как его называет Тимоша, бога. Самый «утробный» из персонажей (за исключением, пожалуй, Чеботарихи), Барыба оказывается носителем своего рода «несчастливого сознания», распятый между «отцеубийством» («добивает» отца, явившись к нему в мундире урядника)

1. Замятин Е. И. Избранные произведения. М., 1989. С. 78. Далее цит. это издание с указанием страниц в тексте.

2. Пиотровский М. Б. Адам // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 1. С. 40.

и «отцебоязнь» (внутренним признанием за отцом правды иного – культурного и религиозно-нравственного – порядка. Робость и смущение Барыбы перед отцом в последней встрече – выражение страха перейденной границы, нарушенного запрета (менее всего – как социальной нормы, но именно как божественной воли). Заповеди, которые герой так легко преступает, оказались не утратившими на него свое воздействие. Ведомый, казалось бы, только желанием возвыситься над уездниками, Барыба ненадолго способен испытать стыд, то есть нравственное самоосуждение. Феномен стыда в понимании современной философской мысли, помимо смысловой связи со смехом, имеет определенный диапазон самоосознания: сначала он как бы возвращает «к мгновению, когда наша вина стала явной, самоочевидной и осознаваемой, увиденной как бы изнутри»¹; в пределе же стыд носит «умственный характер» и заключается в том, чтобы «увидеть себя со стороны»². Строго говоря, «телесный стыд» Барыба уже испытал стыд плотский, имеющий подоплеку сугубо эротическую, ловя себя на отвращении к ласкам Чеботарихи. Герой не способен дорасти до «умственной» рефлексии своей вины, однако в отдельные мгновения в нем проступает нравственное самоосуждение (глава «Мураш надоеднй»). Стыд обнаруживает себя как страх нарушить главную заповедь – обречь на гибель друга. Даже неумолимое поглощение духовных порывов «утробной» философией не устраняет его смутной зависти к окружающим, игнорирующим (в том числе – смехом) новую фигуру уездной власти. Страх и рудименты стыда в сюжете судьбы главного героя оказываются тем фактором, который осложняет и драматизирует окончательную победу телесной природности над неизбытыми нравственными составляющими внутреннего существования.

Другие персонажи, связанные теми или иными отношениями с Барыбой, сообщают новые смысловые нюансы комплексам страха. Сознание уездного вольнодумца Тимоши пребывает в состоянии тщательно скрываемого под маской социальной дерзости ужаса от собственной неукорененности в материи жизни, от сомнения в наличии Бога и онтологического мира. Душа адвоката Моргунова как будто окончательно деформирована лжесвидетельствами, однако его глаза – «не то охальные, не то мученические» (с. 790) – выдают атавистическую память о Боге и Страшном суде – грядущем неминуемом возмездии за грехи со стороны высшей, божественной, инстанции. За цинизмом поступков Моргунова кроется интуитивное прозрение необратимости собственного нравственного падения. Отринув от себя всякую возможность искупления греха, Моргунов ищет «родственную» душу в Барыбе: «Эх, милый,

1. Карасёв А. В. Философия смеха. М., 1996. С. 68.

2. Там же. С. 71.

нам ли с тобой стесняться и думать над чем-нибудь. Как это в сказке какой-то: оглянуться – помереть со страху. Так уж лучше без оглядки» (с. 85). Уездный рассказчик постоянно подмечает явное несоответствие привычного, ожидаемого в поведении того или иного персонажа – и необычных проявлений его внутренней жизни, скрытых от посторонних глаз (Урванка, Моргунов и другие). Выходя за рамки «компетенции» сознания рассказчика, они становятся авторскими знаками, фиксирующими искаженную человеческую природу уездных обитателей, когда порой только страх и мимолетные признаки стыда способны служить психологическим и этическим «зазором» между явленным вовне и внутренним содержанием жизни героев.

В повести «На куличках» актуализируется проблема пребывания России на пересечении Европы и Азии, Запада и Востока. Возможность посреднической миссии русского военного гарнизона в деле объединения разных национальных миров не состоялась; сцена встречи с французскими офицерами решена трагикомически и выдает неготовность к диалогу с носителями иной ментальности. Суетливость и косноязычие Молочко оборачивается растерянностью, жалкими попытками «соответствовать» уровню гостей. Невыветриваемый из казармы «дух очень русский» из культурной универсалии становится источником стыда, равно как и внешний вид закопченного денщика, чистившего трубы и ненароком попавшегося на глаза иностранцам. Страх перед европейцами, неуверенность в собственном достоинстве грозит утратой национальной самоидентификации. Такого рода страх, готовность к самоумалению может обернуться крайней жестокостью, «бесстрашным» нарушением национальных православных законов (преступление Аржаного, многократно дублируемое чудовищными развлечениями офицеров в «клубе ланцетупов», когда ставкой избирается жизнь очередного «манзы»). «Вертикальный» страх перед Богом подменяется «горизонтальным» страхом армейской субординации (например, смертельным страхом рядового Муравья перед Шмитом, вымещающим на солдате свою душевную боль).

Социальный мир «куличек», деформирующий национальное сознание в целом и внутренний мир персонажей, провоцирует и индивидуально-личностный план самоопределения; испытываются различные варианты противостояния наличному существованию, грозящему превращением человека в «человеческие кусочки». Устойчивая мифологема тумана уже в первой главе выражает пограничную для главного героя, поручика Половца, ситуацию между жизнью и смертью, свободой и духовной неволей, человеческим и дьявольским, когда «притчится какая-то несуразная нелюдь, и заснуть страшно, нельзя: закружит нелюдь» (с. 136). Страх не освободиться от власти сновиденной реальности, быть

поглощенным обывательской энтропией поначалу продуктивен для героя и инициирует поиски индивидуального пути. Однако склонность избегать личностного выбора делает несостоятельными попытки индивидуальной самореализации. Герою суждено остаться в рамках массового (мифологического) сознания: «<...> с ужасом почуял Андрей Иваныч, что и ему до смерти хочется запеть, завывать, как и всем <...> » (с. 154). Судьба героя, особенно взаимоотношения с любимой женщиной (не смог защитить Марусю Шмит, победить в себе труса) окончательно закрепляет за ним статус массового человека.

Только, пожалуй, Марусе Шмит дано ощутить экзистенциальный ужас существования «на куличках»: «Тут скушно. А может, даже и страшно» (с. 156). Для нее это не просто повседневность, а состояние тотальной богооставленности человека в мире. Героиня, чей образ очевидно восходит к богородичной семантике, простит Богородицу о помощи, но обречена на одиночество и отчаяние, она постоянно испытывается нежностью и жестокостью мужа, коварством и насилием похотливого генерала Азанчеева, слабостью влюбленного в нее Половца. Финал – кощунственный с точки зрения христианской морали отказ от поминального обряда – открывает ее способность сделать экзистенциальный выбор; отъезд Маруси реализует решимость изъять себя из зловещего мира «куличек», может, по-своему оборвать жизнь (раньше она просила у мужа позволения умереть) с сознанием неискупимой вины перед мужем и стыда за жертвенно-унизительную попытку спасти его.

В повести «Алатырь» значима тема постигнутого русский мир бесплодия, грозящего вырождением не только «плоти», но и национальной культуры. Несущая в себе народное представление об идеале женской красоты, наделенная культурным потенциалом главная героиня повести Глафира ощущает опасность не реализовать себя в сфере любви и материнства. Такого рода страх деформирует ее внутренний мир, рождает ожесточение и зависть к сопернице, которая, в свою очередь, переживает те же чувства. Страх героини не продолжить род естественен и становится способом природного сопротивления угрозе исчезновения. Более опасные последствия такого страха обнаруживаются, когда возникает соблазн восстановления полноты национального мира путем реализации рационалистической схемы объединения алатырцев и – в пределе – всего человечества всемирным языком эсперанто. В литературе об «Алатыре» глубоко исследована культурно-мифологическая семантика образа Вадбольского¹. На периферию отошел тот аспект образа, который сосредоточен вокруг взаимоотношений героя со своей жиз-

1. См., например: *Давыдова Т. Т.* Рецепция философских идей Ф. Достоевского, В. Соловьёва и В. Розанова в повести Е. Замятина «Алатырь» // *Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня.* Тамбов, 1997. Кн. III. С. 46-60.

ню и собственными утопическими построениями. Реакция князя на матримониальные намерения алатырских невест обнаруживает в нем робость перед женской природой в ее земных проявлениях. Он боится отвечать на откровенно любовные записки, хотя удержаться от сострадания к пишущим порой не получается. Отношения героя с родным городом Сапожком выстраиваются в русле антиномии страха, нежелания возвращаться к неудавшейся жизни и притягательной силы былого, чувства вины перед женой, а значит, признанием в качестве высшей ценности не рационалистической утопической идеи, а законов органической жизни. Князь, вскоре разоблачаемый как «князь мира сего», не пытается сопротивляться угрозе смерти. Естественно-биологический страх умягчается готовностью к такому исходу, воспринимаемому как возмездие живой жизни за покушение на ее права: «Князь прикрыл руками голову, положил ее на стол и покорно, не шевелясь, ждал» (с. 226).

Сложный путь от оболыщения князем-«благодетелем» к его разоблачению проходит Костя Едыткин, Страшный сон, когда он видит себя забывшим собственное имя, – пророческая угроза утраты личности в ситуации признания для себя чужой парадигмы существования. Комический провинциальный графоман прорывается к бесстрашию индивидуального сопротивления нерасчлененному алатырскому «мы», которое, однако, как и в предыдущей повести, оказывается сильнее и уничтожает носителя индивидуального сознания.

Таким образом, эмоциональный и нравственный комплекс страха-стыда позволяет уточнить способы воплощения идеи кризисного состояния национального духа, механизма отпадения от православной ценностной парадигмы и, с другой стороны, иссякания витальных основ существования. Источники и формы проявления страха открываются в каждой повести во взаимодействии с другими составляющими человеческой природы. Признание подвижного равновесия плотского (животного) и духовного, языческого и христианского актуализирует функцию страха как культурного и религиозного запрета, источника внутренних этических императивов (вины, стыда). Устойчивое состояние страха и его производных: тоски, отчаяния, чувства одиночества – провоцирует необходимость экзистенциального выбора личностного отношения к собственной судьбе, смерти, Богу. Такие поиски, как правило, не приводят к экзистенциальному мужеству. В ситуации безопорности индивидуального бытия герои нередко пытаются укрепиться в рационально-утопических идеях, и тогда только страх унификации способен удержать от подобных соблазнов, вернуть потребность следовать органическим законам жизни и подвигнуть к трагически обреченному сопротивлению массовому сознанию.

1. Эмоционально–нравственный комплекс «страх / стыд» в повестях Е. Замятина 1910-х годов
Emotional-Moral Complex "Fear/Shame" in Evgeny Zamyatin's Stories of the 1910s
2. Анна Сергеевна Сваровская
Anna Svarovskaya
Томский государственный университет
Tomsk State University
e-mail: anna_svarovski52@mail.ru
3. Список литературы
Гордович К. Д. Повесть Е. Замятина «Уездное» в контексте произведений о русской провинции // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности: материалы Междунар. конгресса литературоведов. К 125-летию Е. И. Замятина. 5-8 октября 2009. Тамбов, 2009.
Давыдова Т. Т. Рецепция философских идей Ф. Достоевского, В. Соловьёва и В. Розанова в повести Е. Замятина «Алатырь» // Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня. Тамбов, 1997. Кн. III.
Замятин Е. Избранные произведения. М., 1989.
Карасёв Л. В. Философия смеха. М., 1996.
Комлик Н. Н. Творческое наследие Е. И. Замятина в контексте традиций русской народной культуры. Елец, 2000.
Пиотровский М. Б. Адам // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 1.
Хагямова М. А. Творчество Е. И. Замятина в контексте повествовательных стратегий первой трети XX века: создание авторского мифа. Томск, 2006.
Шайтанов И. О. Мастер // Вопросы литературы. 1988. № 12.

УДК 82.091

Т. В. Иванова
(Петрозаводск)

ЦВЕТОПИСЬ Е. И. ЗАМЯТИНА (ПОВЕСТИ «АЛАТЫРЬ», «СЕВЕР») НА ПУТИ К «СИНТЕТИЗМУ»

Цвет играет важную роль в сюжете произведений. Замятин в произведениях использует цвет в различных аспектах, но можно выделить основные: употребление цвета для психофизических, нравственных характеристик героев; создание выразительных пейзажных зарисовок; цветовое